

Смена. - С. - 1994, - 19 марта. - с. 5.

Баварское Рождество питерского сочинителя мыльной оперы

ДНЕВНИК ЛИТЕРАТОРА

Возьмите бравого солдата Чонкина и угоните на заверенном ему танке в оленеводческое хозяйство под Мюнхеном. Познакомьте с героиней прозы Наталии Медведевой (блядство в глазах, гитара под мышкой, редкостные ум, талант и очарование налицо). Заставьте ее забеременеть от американского военного переводчика, взятого из книг Генриха Белля и Виктора Драгунского, и наделите его афганским опытом Олега Ермакова. Заставьте своих героев изъясняться под Юза Алешковского: «Свой последний трепак я поймал десять лет назад, извините, на процедурной медицинской сестре кафедры полевой хирургии Военно-медицинской академии в колыбели трех революций — славном городе Ленинграде».

Добавьте гангстеров — о них пишут в газетах. Воскресите любимую собственную героиню — валютную проститутку, — сделайте ее хозяйкой всепланетного публичного дома, но не забудьте влюбить ее в акробата нежно и трепетно. Назовите точные и — горе нам — стабильные цены в баварских забегаловках разных разрядов... Как, получается? Вы уже сочиняете рождественский роман Владимира КУНИНА «Русские на Мариенплац», выпущенный петербургским издательством «Новый Геликон».

Пусть все эти персонажи взахлеб и наперебой исповедуются рассказчику, как «Новая Шехерезада» — Валерию Попову. Пусть и сам рассказчик, «с живостью глядящий на женщин», лишь безгрешно сглатывает слюну, как в упомянутой повести поступал Попов. И щедро тратит на новых знакомых благословения: «бундеса». Он ведь не то чтобы знаменит, но была у него «очень неплохая последняя пара лет...»

С фотографии автора «с живостью» смотрит на нас симпатичный дедушка, возложив руки на портативную пишмашинку. В юную пору перестройки он сочинил киносценарий, ставший бестселлером. Всех советских школьников, до того раздразнивших противоположный пол бескорыстной уступчивостью, сразу же потянуло в интердевочки. А «интердедушка» стал и впрямь если не писателем, то фигурантом международного масштаба. За этим последовала повесть об Иванове и Рабиновиче, тематика которой исчерпывается названием. В новом романе он развивает достигнутый успех — и, по-моему, добивается своего.

Безвкусное читиво? Конечно. Но интересно вот что: многих упомянутых выше прекрасных писателей (да и многих неназванных) сейчас невозможно читать, кроме как в ка-

честве сновидного, — а от очередного произведения Кунина не оторвешься.

Секрет успеха Владимира Кунина — в отсутствии у автора серьезных творческих амбиций. Он сочиняет мыльную оперу и знает, что сочиняет ее, на большее не претендует, — но мыльную оперу он сочиняет с поразительной лихостью. Его герои обаятельны, их приключения неправдоподобны, но забавны, — ну а когда в конце романа казахский Чонкин на своем Т-62 подавляет неонацистское выступление на окраине Мюнхена, а в самом танке находит круглую сумму, которую дарит беременной Кате Гуревич, а за акробата перед бандитами заступається на кремлевском уровне бандерша, и его — прямо с Мариенплац — приглашают в шикарный цирк — так на то перед нами, извините, не простой роман, а рождественский. Хэппи энд входит в меню, а роман выходит в свет.

Героев одолевают мировые проблемы, включая роковой вопрос «брать зонтик или не брать зонтик?», которым мучился подавший на выезд еврей из анекдота, когда его вызвали на беседу в КГБ. Родины как таковой нет — это один тезис. Жить там — страшно. Это другое. Но это, сынок, наша родина. Это третий. Рождественский хэппи энд заранее запрограммирован рождественским же уровнем размышлений.

Владимир Кунин — соцреалист до мозга костей. (Теперь, впрочем, наверное, соцреализм надо называть капреализмом). Ведь что мучило, скажем, интердевочку? Низкие заработки расейских мужиков. И роман с «дальнобойщиком» (к сожалению, несколько запоздалый) был бы способен решить все ее проблемы.

А что мучает «русских с Мариенплац»? Тупость советских властей. Но Кунин, прошу прощения, не диссидент — и вы сами понимаете, что после 19 августа 1991 года (за каждую сюжетную привязку к этой дате отечественных авторов уже пора штрафовать — и, желательно, в валюте) на смену некомпетентным и грубым советским чиновникам, погруженным к тому же в коррупцию, приходят компетентные вежливые и неподкупные российские, что мы с вами и наблюдаем воочию. Впрочем, и это не след принимать всерьез: скоро святки.

И тем не менее — не оторваться: по крайней мере до середины романа. Светлая книга. Мыльная опера, а светлая. И только к финалу, когда автор, не умея свести сюжетные концы с концами, растворяет все в мыльной пене, со всей отчетливостью сознаешь, что товар этот разового употребления, как и многое на сегодняшнем торговом-политическом стыке двух миров.

А автор — человек, наверное, хороший. Симпатичный. Среди настоящих писателей это большая редкость. Впрочем, он на такое звание не претендует.

Виктор ТОПОРОВ